

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Песоцкая С.А.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

ОТ ПЕРЕВОДА К ВЫЯВЛЕНИЮ СМЫСЛОВЫХ ПОЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СТРАНЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА

Много лет назад С.Г. Тер-Минасова постулировала тезис о том, что иностранное слово – это «вуаль, которая висит над миром нашего общения»; слово иностранного языка не просто ведет в мир другого языка и культуры, оно «уводит» из родных культуры и языка [1].

Этот факт объясняется ставшим в наше время банальным постулатом, который восходит еще к представлению В. Гумбольдта об отношениях культуры и языка: язык является культурно обусловленным явлением. А это значит, что понять слово иностранного языка означает и понять то, **что** за ним стоит в другой культуре – какие предметы и явления, представления, правила и принципы. Последние же могут значительно отличаться от тех, которые существуют в нашей родной культуре.

Так возникают лакуны и многочисленные проблемы перевода. Даже слова, которые по своей семантике представляются нам абсолютными аналогами друг друга, могут вызывать разные представления и связываться с разными ассоциациями в сознании носителей разных языков. В качестве простейшей иллюстрации этого явления декан факультета иностранных языков МГУ им. М. Ломоносова и почетный член нескольких академий мира привела слово *бабушка*, сопровождаемое для пушей убедительности иллюстрацией: русская бабулька была изображена сидящей в кресле со спицами в руках и клубочком шерсти у ног, с мягким и добрым выражением лица, еще более подчеркнутым традиционной «дулькой» волос на затылке. По контрасту с этим образом С.Г. Тер-Минасова живописно обрисовала образ западной бабушки: моложавой, активной, одетой в современный брючный костюмчик и к тому же любительницы путешествовать, что не всегда может себе позволить человек молодой или среднего возраста [2. С. 58].

Несоответствие в представлениях и ассоциациях, связанных со значением слов, ставит перед переводчиком ряд актуальных вопросов.

- Можно ли компенсировать различия в представлениях носителей разных культур при переводе?

- Что является средством или средствами такой компенсации?
- И, самый сложный вопрос: что открывает в культурах это несоответствие представлений? Какие именно различия в системе ценностей?

Попробуем последовательно ответить на каждый из данных вопросов, поставив в центр нашего внимания последний из них.

Переводчики давно задумывались над проблемой компенсации культурных различий средствами перевода. В пылу увлечения они иногда доходили до абсурда. Так случилось с В. Набоковым, который принялся переводить прозой роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», сопровождая любые несоответствия в русских и американских реалиях и представлениях обширными комментариями, что, во-первых, сделало произведение слишком пространным, «пухлым» и даже скучным, а во-вторых, вообще вывело его за рамки поэзии.

Однако далеко не всегда комментарий переводчика способен сыграть такую злую шутку. Как говорится, все хорошо в меру. Не случайно С.Г. Тер-Минасова рассматривает социокультурный комментарий как способ преодоления конфликтов культур [2. С. 89–96]. И если случаи избегания культурного конфликта средствами перевода встречаются нечасто, то комментарий переводчика как средство преодоления коммуникативного недоразумения – весьма характерное явление в практике перевода. Подтвердим этот тезис, обратившись к переводческому творчеству студентов Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ.

Перевод рассказа современного китайского писателя Вана Мэна «Цзинань», впервые выполненный с китайского языка на русский моей дипломницей Викторией Кантемировой (выпуск 2011 г.) [3. С. 174–182], начинается с историко-культурного комментария, оформленного внизу страницы как подстраничная сноска:

¹ Цзинань – административный центр провинции Шаньдун. Также носит неофициальное название «Город весны» или «Город Источников».

Целесообразность такого комментария объясняется фактом неизвестности данного топонимического объекта широкому кругу русскоязычных читателей, многие из которых, возможно, прочитают о нем впервые; тем более что в начале повествования инофон не может понять, почему рассказ так назван.

Это простейший вид культурного комментария, к которому можно отнести и следующие примеры (из работы той же переводчицы):

² 121 – номер телефона метеорологической службы в провинции Гуандун.

³ Знаменитый храм Карнак (город живых) находится в Луксоре. Карнакский храм – это множество построек, напоминающих скорее город, а не отдельное здание. Его размеры – 1,5 км на 700 м. Возможно, самый большой храмовый комплекс из когда-либо возведенных, он строился разными фараонами в течение более чем 1500 лет.

⁴ Шаошань – родина Мао Дзе-Дуна.

⁵ Го Можо – китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель, первый президент Академии Наук КНР (1949–1978), лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1951).

⁶ Старая Зона – районы Китая, использовавшиеся Красной Армией и Коммунистической партией Китая во главе с Мао Дзе-Дуном во время антияпонской и освободительной войн для создания военных баз. В нее вошли 28 провинций. С июля 1946 до конца июня 1949 года шла освободительная война китайского народа. 24 сентября 1948 года Народно-освободительная армия освободила г. Цзинань от реакционного гоминьдановского режима.

Отсутствие комментария может приводить к потерям разной степени глубины в понимании смысла. Вот пример незначительной потери, т. е. такой потери, которая не ощущается в глубинных слоях понимания смыслового поля текста подлинника. В новелле Вана Мэна «Мертвеющие корни самшита» о главном герое говорится, что он купил на рынке бонсай в виде неприметного деревца высотой не более двух *чи* [4. С. 202]. Русскоязычный читатель не знает, сколько это; перевод на русский язык требует соотнесения с российской системой измерения роста.

В других случаях отсутствие комментария переводчика может порождать коммуникативное недоразумение, которое основано на различиях в культурных ожиданиях и социокультурном опыте представителей разных культур.

Приведем пример из выпускной квалификационной работы Виктории Кантемировой. В новелле «Мотылек» Ван Мэн несколько раз подчеркивает, что у отрицательного персонажа Мэй Лань, жены героя-партийного функционера, белое лицо [5. С. 127, 151]. Русский читатель не может понять, что значит эта деталь портрета и почему

ее акцентирует автор, ведь в русских прецедентных текстах белизна лица, дебелость – традиционный признак женской красоты. Вспомним в пушкинской «Сказке о Мертвой Царевне и семи богатырях»: «*Белолица, черноброва, / Нраву кроткого такого. / И жених сыскался ей, / Королевич Елисей*» и «*Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?*». Значительно сложнее с символикой белого цвета дело обстоит в китайской лингвокультуре, где акцентируется амбивалентность, противоречивость значения данного знака: значение белизны как символа женской красоты не снимается, но при этом актуализируется значение белого цвета как символа зла / смерти. Сравним с белой маской в японском театре Но, которая также принадлежит отрицательному персонажу. Данное значение в символике белого цвета в русской лингвокультуре также имеет место быть (см.: земля *белым саваном одета*), но отрицательная семантика белого цвета актуализируется значительно реже.

См. также пример из дипломной работы Регины Юдановой (2014 г.): «белая река» в художественном фильме 2009 г. «Хуа Мулан» воспринимается носителями китайской культуры как символ смерти, предупреждение о возможности гибели героини.

В силу этих различий в русской и китайской лингвокультурах грамотный переводчик должен сделать лингвокультурологический комментарий в формате подстраничной сноски, в которой следует указать различия в восприятии символики белого цвета: доминирование эмоционально-негативного значения в китайской лингвокультуре и эмоционально-позитивного – в русской. С помощью такого приема удастся избежать коммуникативного недоразумения в восприятии русскоязычными читателями текста, переведенного с китайского языка.

На первый взгляд может показаться, что только перевод текстов художественной литературы может обладать «культуроносностью» или культурологическим потенциалом для толкования текста языка оригинала, который позволяет «заглянуть» в менталитет, определить особенности мышления на иностранном языке. И хотя это в большинстве случаев так, однако далеко не во всех случаях. Приведем примеры из выпускной работы Ольги Ткаченко (2014 г.).

Пример 1. Китайский рекламный слоган 蛙蛙叫干锅年代, в котором присутствуют морфемы 蛙蛙 – лягушка, 叫 – звать, 干 – касаться, сухой, 锅 – котел, кастрюля, сковорода, 年代 – эпоха, годы, может означать *Изобилие, гарантированное вашему столу в любое*

время / на все времена. При переводе номинации с морфемой *лягушка* следует переводить, опираясь не на принцип буквализма, а на символическое значение культурного концепта, представленного морфемой 蛙. Лягушка в китайской культуре символизирует достаток, изобилие, прибыль; не случайно в современной китайской бытовой культуре статуэтки лягушек дарят с пожеланиями богатства, достатка, денежной прибыли в доме.

При переводе подобных случаев требуется ввести дополнительную информацию о культуре – так называемые фоновые знания, или (в терминологии англоязычных лингвистов) отсылку к *элементам национальной культурной энциклопедии* [б. С. 87].

Пример 2. Рекламный слоган 鹤 – 烤肉鹤 содержит морфемы со значениями: журавль; один, единство; жареное мясо, барбекю. Однако понять смысл фразы становится возможным только при условии актуализации значения национального культурного символа журавля как птицы, на которой летают небожители, как символа долголетия, опытности, верности. Культурное сознание инофона, читающего вывески на китайском языке, не содержит ассоциацию образа журавля с небожителями, которая всплывает в культурном сознании китайцев и которую учли китайские создатели данного рекламного текста, чтобы привлечь потенциальных покупателей барбекю. Данная отсылка может быть воспринята только теми инофонами, которые находятся на очень продвинутой стадии овладения китайскими языком и культурой – не ниже, чем на стадии адаптации или даже поликультурной личности.

Не исключено, что в последнем из примеров русской стилистической норме в большей степени соответствует перестановка фрагментов слогана местами. Варианты перевода на русский язык: «Барбекю – улети журавлем в небо!»; «Барбекю – стань небожителем!» (подразумевается «Если съешь барбекю – станешь небожителем»).

Здесь большое значение имеет постановка знаков препинания в тексте перевода. В китайском языке нет тире; в русском же они играют очень важную роль в построении смыслового поля текста: так, они могут означать быструю смену действия, как в данном слогане. И поэтому переводчик должен знать, что знаки препинания в текстах оригинала и перевода не обязательно должны соответствовать; их соответствие вовсе не признак точности перевода, а в ряде случаев как раз наоборот. Знаки препинания

ставятся в соответствии с нормативностью переводящего языка, в соответствии со сложившейся в нем стилистической традицией.

В ряде случаев мы вправе говорить о необходимости комбинированного комментария: лингвостилистический + переводческий; историко-культурный + лингвостилистический; историко-культурный + лингвостилистический + переводческий. Различия при этом заключаются в том, что переводческий комментарий всегда имеет языковую основу, т. е. он содержит в себе лингвостилистический комментарий. Лингвостилистический же комментарий уже переводческого: он объясняет устройство речевых структур иностранного языка без выхода на проблему их перевода.

Каким же предстает смысловое поле китайской лингвокультуры в приведенных примерах?

Смысловое поле китайской лингвокультуры представляется таким, в котором весьма значимая роль принадлежит мифологическим персонажам, часто животного происхождения. Почему? 1. Они восходят к тотемам, что служит указанием на древность языка и культуры. 2. Они связаны с древнейшими космогоническими представлениями о сотворении мира.

Целью исследования переводчика в этой связи становится выявление культурной обусловленности языка. В комментарии к переводному тексту переводчик должен «раскрутить» механизм воздействия текста оригинала на сознание его получателей – носителей культуры; показать, какие элементы текста могут не вызывать таких же культурных ожиданий при переводе этих текстов на другие языки, результатом чего становится переводческая неудача. Перевод при этом должен перекодировать текст оригинала в соответствии с иным социокультурным опытом носителей другого языка и культуры. Применимо к текстам рекламы перекодировать зачастую означает создать другой рекламный текст.

Перевод текстов рекламы часто «обнажает» специфику менталитета носителей разных языков и именно в силу этого становится объектом научного исследования. Кроме функции передачи информации в рекламных текстах реализуется функция внушения – суггестивности. Поэтому на уровне прагматики рекламный текст имеет общее с текстами религии – священными текстами.

Комментарии к рекламному тексту имеют много общего с интерпретацией текстов кино: они отражают и актуализируют синтез разных средств воздействия на сознание своих получателей – звука, цвета, света, визуальных и слуховых образов. Поэтому при

интерпретации рекламных текстов уместны такие элементы терминологического аппарата, как **аудиальный и визуальный ряд, звуковой и визуальный образ** (он может быть образом-символом).

Особенности комментариев текстов рекламы, как и кино, заключаются в их **комплексном характере**: в стремлении исследователей показать, как различные средства воздействия на сознание получателей данных типов текста создают единство впечатления, т. е. текст как целое, как систему. Таким образом, ведущий принцип интерпретации здесь тот же, что и при толковании текстов художественной литературы.

Итак, сделаем выводы.

- 1 Почти всегда при переводе можно **компенсировать** различия в представлениях носителей разных культур.
- 2 Действенным средством такой компенсации являются **разные виды комментария к переводу и комплексный комментарий**.
- 3 Перевод единиц исходного языка и комментариев к нему раскрывают:
 - **представления** носителей языка о древнейших тотемах культуры;
 - **космогоническую картину мира** предков носителей языка;
 - **характер культуры** страны исходного языка, в случае с китайским языком – аграрный, доминирование в начальном хозяйственно-бытовом укладе Китая земледелия или скотоводства. (Вспомним пример, приведенный Франсом Боасом в подтверждение этого тезиса: скотоводческий характер монгольской культуры проявляется в различии форм приветствия в зависимости от времени года; так, осенью монголы приветствуют друг друга фразой «Жирный ли скот?» [цит. по: 7. С. 14].);
 - конкретные формы проявления **антропоморфизма мышления** носителей языка. (Этот признак проявляется в использовании артефактов человеческой деятельности и ближайшего окружения человека при номинациях различных объектов: так, в русской лингвокультуре существуют такие номинации, как «конек» – элемент украшения крыши дома; «глазки» картошки; цветы «Анютины глазки» и т. п. Особый интерес для исследователей представляют так

называемые первичные номинации, внутренняя форма слова которых обладает образностью: «белоголовник», трава «кровохлебка» и т. п. Сравнительный анализ лингвокультур показал, что при обозначении объектов растительного мира наиболее актуализирован процесс образования первичных номинаций в русской и британской лингвокультурах; см., например, словари англоязычных ботанических терминов, изданные в Великобритании.);

- конкретные формы проявления **зооморфизма мышления** носителей языка (во французском языке, к примеру, зооморфизм может отражаться в категориях грамматики);
- **приоритет отдельных культурных ценностей и установок** в понятийных представлениях, отражающихся в языковом сознании носителей языка. (Так, неполный лексический повтор в идиоме «воля вольная» подчеркивает значимость понятия «воля» для русского менталитета. Слово, которое выражает данное понятие в русском языке, является безэквивалентным, поскольку не является абсолютным аналогом западной «свободы»: свобода обозначает юридический акт, закрепленный на формальном уровне в законе, тогда как воля есть эмоционально-психологический феномен, не закрепленный формально в законе и относящийся к области многовековой мечты народа, которая обозначается в русском языке словом «чаяние». Вспомним «подпольного героя» Ф.М. Достоевского, провозгласившего в качестве жизненного кредо желание «жить по своей воле», по своему «свободному хотению».);
- многое другое.

Данный список не имеет завершенного характера и может быть продолжен. Все обозначенные в нем аспекты раскрывают смысловое поле страны изучаемого языка.

Список использованных источников

1. Конспект доклада С.Г. Тер-Минасовой «Можно ли построить Вавилонскую башню?», прочитанного на XVI Международной конференции «Язык и культура в евразийском пространстве». – Томск, 2002. Архив автора настоящей статьи.

2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 264 с.
3. Ван Мэн. Цзинань / пер. с китайского В.А. Кантемировой // Школа молодого востоковеда: сб. мат-лов науч.-практ. семинара. 22–23 окт. 2009 г. – Томск: Изд-во ООО «РауШмбх». – 196 с.
4. Ван Мэн. Следы на склоне, ведущие вверх. Проза / пер. с китайского Сергея Торопцева. – М.: Изд-во УРСС, 2004. – 426 с.
5. Ван Мэн. Мотылек // Человек и его тень: сб. повестей / пер. с китайского. – М.: Молодая гвардия, 1983. – С. 109–178.
6. Pinker S. How the mind work. – New York, London: W.W. Norton, 1997. – 661 p.
7. Клакхон Клайд Кей Мейбен. Зеркало для человека. Введение в антропологию. – СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.

Чубик М.П.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

МНОГОВЕКТОРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И ИДЕЯ «НОВОГО КОНВЕРГЕНТНОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Фундаментальной характеристикой современного «большого» университета является междисциплинарное и трансдисциплинарное обучение, принятое внутри англосаксонской образовательной модели, согласно которой совершенно нормальным считается желание студента, допустим, объединить курсы материаловедения и ядерной физики с эволюционной микробиологией и маркетингом. В ведущих зарубежных университетах подготовка специалистов и научные исследования, как правило, ведутся по техническим, естественным, социальным, гуманитарным наукам и наукам о жизни (включая медицину), вместе взятым. Таким образом, междисциплинарность, обеспечивающая сегодня разработку всех прорывных технологий, в зарубежных вузах начинается еще на студенческой скамье. Может быть, высокотехнологичное медицинское оборудование мы сегодня покупаем преимущественно на Западе, потому что над его созданием начинают работать еще студенты – будущие медики, инженеры, физики, обучающиеся в одном университете, живущие в одном общежитии, отдыхающие на одних вечеринках. Сегодня во всем мире постепенно происходит размывание границ между дисциплинами и специальностями, а каждое серьезное научное исследование побуждает современного ученого использовать методы «смежных дисциплин» и помещать объект изучения в другое научное измерение. Соответственно и выпускник вуза новой